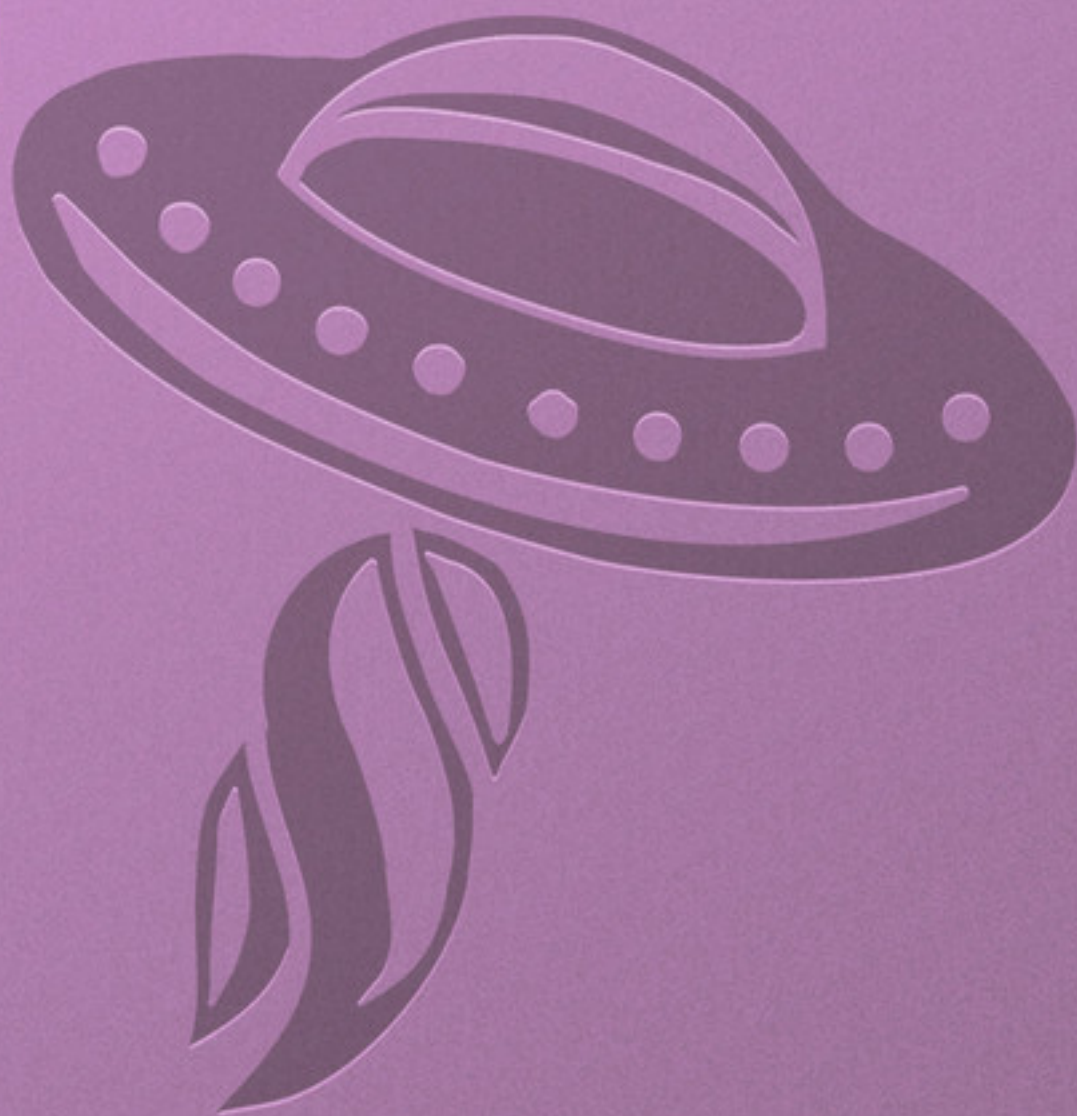

Дуглас Адамс

Детективное агентство Дирка Джентли

*Часть сборника
Детективное агентство Дирка
Джентли (сборник)*

Дирк Джентли

Дуглас Адамс

**Детективное агентство
Дирка Джентли**

«Издательство АСТ»

1987

Адамс Д. Н.

Детективное агентство Дирка Джентли / Д. Н. Адамс —
«Издательство АСТ», 1987 — (Дирк Джентли)

ISBN 978-5-17-080066-7

Там, где вам не помогут ни полиция, ни дипломированный психиатр, ни кембриджский профессор, вступает в действие детективное агентство Дирка Джентли – крупнейшего специалиста по бракоразводным процессам, пропавшим кошкам и пришельцам из иных миров. Кто, как не он, даст ответ на сложнейшие вопросы современности: Что общего у кошки и Кольриджа с квантовой механикой и кушеткой в стиле «Честерфилд»? Может ли покойник подать в суд за клевету? И действительно ли в подсознании каждого из нас живет гений, готовый справиться с любой задачей – даже с той, что на первый взгляд кажется неразрешимой? Произведение входит в сборник Дугласа Адамса «Детективное агентство Дирка Джентли».

ISBN 978-5-17-080066-7

© Адамс Д. Н., 1987
© Издательство АСТ, 1987

Содержание

Предисловие автора	5
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	31
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дуглас Адамс

Детективное агентство Дирка Джентли

Моей маме.

Больше всего ей понравился эпизод с лошадыю.

Предисловие автора

Колледж Святого Седда в этой книге описан по моим воспоминаниям о колледже Святого Джона Кембриджского университета, хотя кое-какие черты были позаимствованы и у разных других учебных заведений. На самом деле сэр Исаак Ньютон учился в Тринити-колледж, а Сэмюэль Тейлор Кольридж – в колледже Иисуса.

Так что колледж Святого Седда – творение целиком и полностью вымышленное, и любые параллели между описываемыми здесь учреждениями и героями и реальными учреждениями и людьми – живыми, умершими или тревожащими ночь своими призраками – непреднамеренны.

Эта книга создавалась при помощи компьютера Apple Macintosh Plus и принтера LaserWriter Plus. Для обработки текста была использована программа MacAuthor.

Затем компания The Graphics Factory (Лондон SW3) сделала типографский оттиск готового документа на наборном устройстве Linotron 100 – так был получен окончательный текст высокой четкости. Благодарю Майка Гловера из Icon Technology за содействие в этом процессе.

И наконец, отдельное спасибо Сью Фристоун, которая не щадя сил помогала взлелеять эту книгу.

Дуглас Адамс
Лондон, 1987 г.

Глава 1

На этот раз свидетелей не будет.

На этот раз – лишь мертвая земля, раскаты грома да нескончаемый мелкий дождь. Такой приходит с северо-востока и сопровождает важнейшие события в мире.

Стихли давешние бури, ослабли потоки воды. Разбухшие тучи еще грозили ливнем, но вечерний сумрак размочила всего-навсего унылая морось.

В сгущающейся тьме пронесся ветер, обогнул низкие холмы, просвистел по долине, посреди которой в непролазной грязи стояла скособоченная башня. Похожая на столб магмы, извергнутой когда-то из глубин преисподней, башня клонилась будто под тяжестью чего-то более значительного, чем ее собственный вес. Она казалась мертвой, причем мертвой уже давно.

Все затихло, лишь по дну долины вяло текло слякотное месиво реки. Через милю-другую поток спускался в овраг и исчезал под землей.

Когда стемнело, стало ясно, что в башне все-таки есть жизнь. Внутри возник слабый, едва заметный красный огонек. Пусть вокруг ни души, увидеть его некому, – все же от него исходил настоящий свет. С каждой минутой он горел сильнее и ярче, затем почти погас. Одновременно ветер принес тревожный низкий звук, который постепенно усилился, перерос в отчаянный вопль и, обиженно взвизгнув, оборвался.

Немного погодя вспыхнул второй огонек, маленький и живой. Он замерцал у основания башни, обогнул ее по кругу, останавливаясь на пути, и тоже исчез вместе с едва различимой фигурой человека.

Прошел час, тьма стала совсем непроглядной. Мир будто умер, погрузившись в пустоту ночи.

Но вот у самой макушки башни, сопровождаемый скорбным воем, огонь появился вновь. На этот раз он резво разгорелся докрасна и ослепительно зардел, а звук превратился в оглушающий вопль.

Внезапно все стихло, свет погас.

На миг наступила полная тьма.

Грязь у подножия башни вспучилась и исторгла клубы странного белесого света. Вдрогнуло небо, судорожно передернулся поток грязи, взревели небо и земля, тучи озарились жуткими всполохами: розовыми, зелеными, оранжевыми. Затем свет вновь погас, и мир погрузился в непроглядно темную ночь. Воцарилась тишина, лишь где-то вдалеке едва слышно звенели капли.

Наутро заблестало солнце, день выдался самый теплый, безоблачный и светлый из всех случавшихся доселе на земле. По растерзанной долине текла прозрачная река.

Быстро понеслось время.

Глава 2

Высоко на утесе верхом на скачущей лошади сидел электрический монах. Из-под капюшона холщовой сутаны он безотрывно смотрел вниз, на долину, вид которой поставил его в тупик.

День был жарким, солнце, замерев в подернутом дымкой небе, выжигало серые камни и чахлую, иссохшую траву. Ничто не шевелилось, даже монах. И только лошадь, время от времени взмахивая хвостом, слегка колыхала воздух.

Электрический монах был бытовым прибором для облегчения человеческой жизни. Если посудомоечная машина или видеомэгнитофон избавляют от необходимости перемывать горы грязной посуды или смотреть нудные телепередачи, то электрические монахи предназначались для того, чтобы верить за человека, принимать за чистую монету все приготовленное для него миром, тем самым освобождая от обязанности, со временем становящейся только тягостнее.

Увы, но именно у этого электрического монаха однажды что-то перемкнуло, и он принялся верить во все без разбора. Порой даже жителям Солт-Лейк-Сити не удавалось переплюнуть его в доверчивости. Разумеется, о таком городе он никогда не слышал. Как и о ста тысячах миль, что разделяли распростершуюся перед ним долину и Большое Соленое озеро в Юте.

Сейчас монах вдруг уверовал, что и долина, и все вокруг, и он сам, и лошадь равномерно окрашены в бледно-розовый цвет. Это в некоторой мере ухудшило его способность отличать один предмет от другого, а значит, о движении вперед не могло быть и речи. Поэтому монах застыл на месте, а лошадь обуюла тоска: с какими только глупостями ей не приходилось мириться, но сегодняшняя, по ее мнению, затмила все предыдущие.

Давно ли монах всему верил?

Ему казалось – всегда. Вера, способная свернуть горы или по меньшей мере убедить, что вопреки здравому смыслу все вокруг порозовело, была тверда и неколебима, как скала. Пусть весь мир перевернется – она не дрогнет. Впрочем, лошадь знала: вера иссякнет ровно через сутки.

Так что же это за лошадь, у которой на все есть свое мнение, да еще и скептическое? Разве так ведут себя лошади? Может, это необычная лошадь?

Вовсе нет. Вне всякого сомнения, она была красива и хорошо сложена и все же ничем не отличалась от остальных представителей своего вида, разбросанных в процессе конвергентной эволюции всюду, где есть жизнь. Лошади соображают гораздо лучше, чем кажется. Да и трудно не составить собственного мнения о том, кто каждый день ездит на тебе верхом.

Зато некоторые могут не моргнув глазом оседлать другое существо, кататься с утра до ночи и даже о нем не вспомнить.

Первые модели электрических монахов разрабатывали так, чтобы они мгновенно распознавались как искусственные объекты и ни в коем случае не напоминали людей. Представьте: видеомэгнитофон валяется на диване перед телевизором, ковыряет в носу, пьет пиво и посылает хозяев за пиццей. Только этого не хватало!

Создатели монахов обращали внимание не только на оригинальность дизайна, но и на практичность с точки зрения верховой езды. А это важно. Всадники – будь то люди или неодушевленные предметы – гораздо больше располагают к себе. Было решено наделить их двумя ногами: так удобнее и дешевле, чем если количество ног равнялось бы простому числу, к примеру, семнадцати, девятнадцати или двадцати трем. Вместо лиловой шероховатой кожи им дали кожу розоватого оттенка, мягкую и гладкую. Кроме того, монахи получили по одному рту и носу и одному глазу, впрочем, впоследствии их снабдили еще одним, так что в итоге они оказались двуглазыми. Станные существа. Зато способные с ходу поверить в самую чудовищную нелепицу.

Монах вышел из строя, когда однажды ему пришлось принять на веру слишком большую порцию информации. По ошибке его подключили к видеоманитфону, который одновременно просматривал одиннадцать телевизионных каналов, что привело к замыканию в какой-то из нелогических цепей. Видеоманитфон лишь смотрел, в его обязанности не входило всему верить. Вот почему перед использованием бытовой техники следует тщательно изучать руководства по эксплуатации.

Целую неделю монах лихорадочно верил, что война – это мир, добро – зло, луна сделана из сыра с плесенью, а на некий почтовый ящик нужно срочно отправить кругленькую сумму для Господа Бога. После того как ему пришлось поверить, что тридцать пять процентов столов – гермафродиты, он сломался. Мастер из магазина бытовой техники рекомендовал заменить материнскую плату, но потом вдруг принялся рассказывать об усовершенствованной модели «Монах-Плюс» – она, мол, вдвое мощнее, оснащена новейшей многоцелевой функцией отрицания, позволяющей одновременно удерживать в памяти до шестнадцати абсолютно разных и даже противоположных концепций без досадных системных ошибок, работает куда шустрее, а стоит не дороже материнской платы для старой модели.

Этим все и решилось.

Неисправного монаха отправили в необитаемую местность, где он мог верить во что угодно, в том числе и в то, что с ним обошлись несправедливо. Лошадь ему оставили, потому что она почти ничего не стоила.

Несколько суток, показавшихся ему сначала тремя, потом сорока тремя, а затем пятьюстами девяносто восемью тысячами семьюстами тремя днями, он странствовал и верил во все, что попадалось на глаза: в камни, в птиц, в облака и в несуществующий вид спаржи – слоновий аспарагус, пока наконец не оказался здесь, на высоком утесе. Перед ним расprostерлась долина, которая – вопреки глубокому и горячему убеждению монаха – была не розовой. Ничуть.

Время шло.

Глава 3

Время шло.

Сьюзан ждала.

Чем дольше она ждала, тем упорнее молчали дверной звонок и телефон. Она взглянула на часы и решила, что у нее есть все законные основания рассердиться. Разумеется, она давно уже сделала это, хотя тогда еще не пробил, так сказать, час. Теперь же точно наступило время, к которому Ричард сам просил ее быть готовой, и его отсутствие невозможно оправдать никакими дорожными пробками, чрезвычайными происшествиями, внезапно возникшими обстоятельствами и медлительностью.

Она попробовала представить, что с ним случилось ужасное, и разволноваться, но не вышло – не верилось ни на секунду. С ним никогда не происходило ничего плохого. В глубине души шевельнулась мысль собственноручно помочь ему исправить ситуацию. А что, замечательная идея.

С возмущенным видом она плюхнулась в кресло и включила телевизор. Новостная программа ее взбесила. Она пощелкала по каналам, пару минут посмотрела другую передачу, но тоже осталась недовольна.

Может, позвонить ему? Нет уж, еще чего! А вдруг в то же самое время он станет набирать ее номер? Так никогда друг до друга не дозвониться.

Она решительно выкинула из головы мысль о телефоне.

Черт побери, где он ходит? А вообще – какая разница? Ей плевать!

Вот уже третий раз кряду он такое выкидывает. С нее достаточно. Сьюзан вновь со злостью пробежалась по каналам. Наткнулась на программу о компьютерах и каких-то интересных разработках в области музыкально-компьютерных технологий.

Все! С нее хватит. Да, она уже говорила это пару секунд назад, но теперь действительно хватит, окончательно и бесповоротно.

Она вскочила с кресла, подошла к телефону, быстро пролистала справочник и набрала номер.

– Алло, Майкл? Это Сьюзан. Сьюзан Вэй. Помнишь, ты просил позвонить, как только выдастся свободный вечер? Я тогда еще ответила, что лучше сдохну в канаве. Так вот, сегодня я абсолютно, полностью и совершенно свободна, а приличной канавы поблизости нет. Через полчаса я буду в клубе «Танжер». Советую не упустить шанс.

Она обулась, накинула пальто и вдруг вспомнила, что сегодня четверг – пора менять ленту на автоответчике. Это не заняло много времени – через пару минут Сьюзан уже вышла из дома.

Когда наконец раздался звонок, автоответчик приятным голосом доложил, что Сьюзан не может подойти к телефону, и попросил оставить сообщение, которое она прослушает, как только вернется. Возможно.

Глава 4

Ноябрьский вечер выдался студеным, как в старые добрые времена.

Луна казалась бледной и мутной, будто недовольной, что ее выгнали на небо в такой холод. В лунном свете сквозь дымку отвратительных болотных испарений прорисовывались смутные силуэты башен и шпилей кембриджского колледжа Святого Седда – призрачное изобилие возведенных за многие века зданий в архитектурных стилях разных периодов, от средневекового до викторианского, от греческого до стиля эпохи Тюдоров. И только туман немного сглаживал этот разнобой.

Между зданиями в тусклом свете виднелись фигурки: люди спешили, поеживаясь от холода и оставляя в воздухе быстро тающие облачка пара от дыхания.

Было семь часов вечера. Большинство торопились в обеденный зал, что отделяет первый внутренний дворик колледжа от второго. Собственно, из этого зала и струился – неохотно, словно против воли – теплый свет.

Бок о бок шли два совершенно разных человека. Первый – молодой, долговязый и нескладный; даже в толстом пальто он выступал как обиженная цапля. Второй, невысокий и пухлый, двигался с неуклюжей суетливостью престарелой белки, лихорадочно ищущей выход из мешка. Точный возраст его определить было трудно, даже невозможно. Если выбрать наобум любое число, то скорее всего он все равно оказался бы хоть чуточку, но старше. Его лицо испещрили морщинки, из-под красной лыжной шапочки выбилась прядь волос, седых и жидких, – они, судя по всему, имели собственное представление о том, как укладываться на голове. Он тоже кутался в теплое пальто, поверх которого развевалась мантия с изрядно выцветшей лиловой отделкой, демонстрирующей его принадлежность к особой университетской кафедре.

Говорил в основном старший. По пути он указывал на достопримечательности, хотя рассмотреть их в темноте было невозможно. Молодой вставлял время от времени реплики типа «Да что вы...», «Неужели? Как интересно...», «Ну и ну», «Боже правый!» и усердно кивал головой.

Они воспользовались не главным входом, а маленькой дверью с восточной стороны, которая вела в профессорскую комнату и обшитую темными панелями переднюю. Там собирались члены совета колледжа. Они растирали озябшие ладони, передергивая плечами от холода, слегка отогревались и проходили в зал через специальную дверь к столу для почетных гостей.

Двое опаздывали и спешили поскорее избавиться от верхней одежды. Для старшего процесс усложнился тем, что сначала ему пришлось стянуть с себя профессорскую мантию, а затем, сняв пальто, вновь в нее облачиться. Он принялся искать шарф, однако вспомнил, что оставил его дома, потом обшарил один карман пальто в поисках носового платка, залез во второй и неожиданно обнаружил завернутые в шарф очки. Значит, шарф все-таки был при нем, но, несмотря на резкий ветер с болот, пронизывающий, как холодное ведьмино дыхание, он не обмотал им шею.

Старший суетливо подтолкнул молодого коллегу к двери, они вошли в зал и заняли два оставшихся свободных места за столом для почетных гостей, стараясь не замечать недовольных взглядов и возмущенно изогнутых бровей – как посмели они прервать благодарственную молитву?!

Зал был полон. В холодное время года он всегда привлекал студентов. Сегодня же здесь зажгли свечи – такое случалось весьма редко и только по особому поводу. Вдоль зала тянулись два стола. В отблесках пламени лица теснящихся за ними гостей казались оживленнее, приглушенные голоса и звон столовых приборов – веселее, а в мрачных уголках огромного помещения словно сгустились тени всех веков, на протяжении которых существовал колледж. Стол же для почетных гостей стоял поперечно и на некотором возвышении относительно двух дру-

гих. Поскольку на торжественный прием пригласили много гостей, то приборы расставили по обеим сторонам столов, и кому-то из присутствующих пришлось сидеть спиной к остальным.

– Итак, юный Макдафф, – произнес профессор, разворачивая салфетку, – я очень рад встретиться с вами, друг мой. Мне чрезвычайно приятно вас видеть. Понятия не имею, зачем нас здесь собрали, – неожиданно добавил он, оглядев зал. – Все эти свечи, столовое серебро. Что за событие? Обычно такими обедами чествуют кого-то, о ком никто уже не помнит, и ходят на них разве что затем, чтобы хорошо поесть.

Он на мгновение задумался и вдруг сказал:

– Странно, но качество пищи почему-то находится в обратной зависимости от яркости освещения. Вам так не кажется? Только представьте, каких кулинарных высот достигнут повара, творя свои шедевры в крошечной тьме. А что, стоит попробовать! В колледже полно подвалов, пригодных для воплощения в жизнь этой идеи. По-моему, как-то раз я их вам уже показывал, да? Чудесная кирпичная кладка.

Последние слова немного успокоили гостя: они свидетельствовали о том, что его руководитель еще не до конца забыл, кем является. Королевский профессор кафедры хронологии Урбан Кронотис обладал памятью, которую сам он однажды сравнил с птицекрылкой королевы Александры – беспечно порхающей разноцветной бабочкой, увы, уже почти полностью исчезнувшей.

Когда несколькими днями ранее он позвонил бывшему ученику с приглашением на званый обед, у того сложилось впечатление, что учитель будет чрезвычайно рад его видеть. Сегодня вечером Ричард, как и было условлено, появился на пороге его дома, лишь слегка опоздав. Профессор яростно распахнул дверь, вперил в Ричарда удивленный взгляд и с раздражением осведомился, что за проблемы его привели. Когда ему осторожно напомнили, что Ричард вот уже десять лет как окончил колледж, Кронотис с досадой отмахнулся и в конце концов был вынужден признать, что сам пригласил бывшего студента на обед. После этого профессор вдруг принялся во всех подробностях обсуждать архитектуру колледжа – верный признак, что его мысли витали где-то далеко.

На самом деле профессор никогда не учил Ричарда, он лишь был его наставником, то есть отвечал за общее воспитание, напоминал об экзаменах, следил, чтобы тот не употреблял наркотики. Никто не знал, учил ли профессор вообще кого-нибудь, а если и так, то чему он мог кого-то научить. Возглавляемая им кафедра, мягко говоря, занималась непонятно чем. Лекций он не читал, вместо этого составлял длиннющие списки книг, не переиздававшихся десятилетиями (ему это было достоверно известно), вручал их студентам, а когда те оказывались не в состоянии их отыскать, выходил из себя. Никому так и не удалось толком выяснить, что за дисциплину он ведет. Разумеется, много лет назад он предпринял меры предосторожности и изъясил из библиотек университета и колледжа все оставшиеся экземпляры входящих в его списки книг, тем самым обеспечив себе уйму свободного времени.

Ричард всегда неплохо ладил со старым чудачком. Как-то раз в один из солнечных летних дней, когда мир до краев наполнен счастьем, они шли по мосту через реку Кем, разделяющему старую и новую части территории колледжа. Профессор пребывал в необычайно добродушном настроении, поэтому Ричард набрался храбрости и спросил, что же все-таки представляет собой королевская кафедра хронологии.

– Синекура, друг мой, просто синекура! – Он расплылся в улыбке. – Деньги небольшие, но и обязанностей, скажем так, почти никаких. Я привык довольствоваться малым, так что это пусть и не особо прибыльное, но вполне приятное место, где можно провести всю жизнь. Рекомендую!

Он перегнулся через ограждение моста: его внимание вдруг привлек какой-то кирпич.

– В какой области кафедра ведет исследования? – настаивал Ричард. – В области истории? Физики? Философии?

– Что ж, – отозвался профессор, – раз вам это интересно... Кафедру учредил король Георг Третий, которого, как известно, посещали весьма забавные мысли. К примеру, он свято верил, что одно из деревьев в Большом Виндзорском парке – вовсе не дерево, а Фридрих Великий. Таким образом, основал кафедру король, поэтому она и «королевская». Тоже, кстати, его идея.

Водная рябь искрилась под лучами солнца. Люди на плоскодонках весело препирались друг с другом. Просидевшие долгие месяцы в аудиториях тощие студенты-естественники, бледные и безжизненные, как рыба на песке, шутили от света глаза. Гуляющие вдоль берега парочки то и дело исчезали на часок в кустах.

– Несчастный, преследуемый напастьми человек, – продолжил профессор. – Я имею в виду Георга Третьего. Он помешался на времени. Заполонил дворец часами. Беспреданно их заводил. Подскочит ни свет ни заря и слоняется по дворцу в ночной рубашке, часы заводит. Его, знаете ли, очень заботило, чтобы время шло только вперед. Он видел в жизни слишком много страшных событий и тревожился, как бы они не случились снова, если время хотя бы на миг повернет вспять. Вполне понятный страх, особенно если ты душевнобольной. А бедняга, к великому сожалению и при всем сочувствии, без сомнения тронулся умом. Благодаря ему я был назначен... то есть скорее была создана моя кафедра... в общем, должность, которую я имею честь занимать... Так о чем это я?... Ах да. Георг Третий учредил кафедру хронологии, чтобы выяснить, существует ли причина, по которой события следуют одно за другим, и есть ли способ остановить такой ход вещей. Поскольку ответы на все его вопросы – да, нет и возможно – мне были изначально известны, я понял, что о карьере больше незачем беспокоиться.

– А ваши предшественники?

– Э-э, в основном они придерживались того же мнения.

– Но кто они?

– Как это кто? Безусловно, выдающиеся люди. Все до единого. Напомните мне позже, я вам о них расскажу. Видите вон тот кирпич? Однажды на него стошнило Вордсворта. Замечательный был человек.

Со времени того разговора прошло около десяти лет.

Ричард обвел взглядом зал: проверить, не изменилось ли тут чего-нибудь. Разумеется, все осталось по-прежнему. В мерцающем свете с высоких стен смотрели портреты премьер-министров, архиепископов, политических реформаторов и поэтов, одного из которых в свое время вырвало на тот самый кирпич.

– Итак, – заговорщицки произнес профессор, словно собрался объяснить монахиням, как прокалывают соски, – я слышал, вы наконец добились больших успехов. Это правда?

– Ну, вообще-то да, – ответил Ричард, удивленный не меньше остальных сидящих за столом.

Тотчас несколько человек пронзили его выжидательными взглядами.

– Компьютеры, – раздался презрительный шепот.

Интерес сразу угас.

– Отлично, – похвалил профессор. – Я так рад за вас, очень рад!.. Скажите, – снова заговорил он, и Ричард лишь спустя секунду понял, что обращается он не к нему, а к своему соседу справа, – к чему все это?

Профессор обвел рукой пышно сервированный стол.

Его сосед, морщинистый старик, медленно повернулся всем корпусом и сердито посмотрел на него. Казалось, он недоволен, что его воскресили из мертвых.

– Кольридж. Обед в честь Кольриджа, старый дурень, – проскрипел он и так же медленно отвернулся.

Это был Коули, профессор археологии и антропологии. У него за спиной поговаривали, что он не считает свой предмет заслуживающим серьезного изучения и занимается им лишь потому, что хочет вернуться в детство.

– Ах вот оно что, – пробормотал профессор и посмотрел на Ричарда. – Обед в честь Кольриджа, – сказал он со знающим видом и через мгновение добавил: – Кольридж. Сэмюэль Тейлор. Поэт. Он здесь учился. Думаю, вы о нем слышали. И теперь мы гости за его столом. Ну, не в буквальном смысле, разумеется. Еда б давно уже остыла. – Он помолчал. – Вот, возьмите соль.

– Э-э, благодарю вас. Пожалуй, я подожду, – удивленно произнес Ричард, потому что кушанья еще не подали.

– Не стесняйтесь, берите, – настаивал профессор, указывая на увесистую серебряную солонку.

Ричард озадаченно моргнул и нехотя потянулся за солонкой, но в изумлении вздрогнул – она вдруг исчезла.

– Здорово, да? – Профессор извлек затерявшуюся солонку из-за уха своего полуживого соседа справа.

За столом кто-то совсем по-детски хихикнул.

– Отвратительная привычка, знаю-знаю. Противнее только курение и пиявки, – озорно улыбнулся профессор.

Да, тут все тоже осталось без перемен. Некоторые ковыряют в носу, у других в порядке вещей избить старушку на улице. По сравнению с этими привычками страсть профессора к забавным фокусам была пусть и странной, но вполне безобидной. Ричард вспомнил, как впервые пришел к нему за советом: многие новички не могут справиться со страхом, в особенности перед первым контрольным сочинением. Обычное дело, но тогда этот страх казался жутким и давящим. Профессор сидел за столом и хмурился, сосредоточенно выслушивая его излияния. Когда Ричард замолчал, он задумался, с серьезным видом долго стучал по подбородку, а потом наклонился вперед и произнес:

– Полагаю, проблема в том, что у вас в носу полно скрепок.

Ричард вытаращил глаза.

– Глядите, – сказал профессор, перегнулся через стол и вытянул у него из носа цепочку из десяти скрепок и крошечного резинового лебедя. – Все из-за этого паразита, – буркнул он, глядя на лежащего на ладони лебедя. – Их кладут в пакетики с кашей, от них сплошные неприятности. Ну, мой друг, я рад, что мы поговорили. В следующий раз, как только столкнетесь с подобной проблемой, обращайтесь непременно.

Понятно, у Ричарда тот случай начисто отбил охоту ходить к профессору.

Он еще раз окинул взглядом стол, ища среди присутствующих знакомые со времен учебы в колледже лица.

На третьем стуле слева от него сидел заведующий кафедрой английского языка и литературы, его бывший научный руководитель, однако он ничем не выказал, что знает Ричарда. И неудивительно, ведь целых три года Ричард старательно от него скрывался. Иногда даже отпускал бороду, лишь бы его не узнали.

Сидящего рядом человека Ричарду так и не удалось опознать. Как, похоже, и никому за столом. Он был худощав, смахивал на полевую мышь, а его длиннющий выгнутый нос – действительно очень длинный и чересчур выгнутый – почему-то напомнил Ричарду киль одной яхты, который, по слухам, помог австралийцам завоевать кубок Америки в регате 1983 года. У многих этот нос вызывал подобные ассоциации, но никто ни разу не посмел заявить об этом в лицо его обладателю. Ему вообще никто и никогда ничего не говорил в лицо.

Никто.

Никогда.

Увидев его впервые, люди приходили в ужас и замешательство – тут не до разговоров. Во второй раз заговорить вообще не представлялось возможным, потому что в памяти были все еще свежи воспоминания о первой встрече. И вот уже в течение семнадцати лет его словно коконом окутывала тишина. В обеденном зале колледжа перед ним давно уже ставили отдельный набор с солью, перцем и горчицей, потому что никто не осмелился бы попросить его передать специю. Обращаться же к сидящему за ним было не только невежливо, а попросту невозможно – на пути стоял пресловутый нос.

Помимо прочего, этого человека отличала довольно странная жестикуляция: он стучал по столу то всеми пальцами левой руки, то одним пальцем правой. Потом мог начать постукивать по любой части тела – по суставам пальцев, локтю или колену. Вынужденный в какой-то момент остановиться и приступить к еде, он принимался усиленно моргать и время от времени кивать головой. Разумеется, никто даже не пытался спросить его, зачем он это делает, хотя всех и разбирало любопытство.

Кто сидел дальше, Ричард не разглядел.

По другую сторону за полумертвым соседом профессора он увидел Уоткина, профессора античной филологии, человека в крайней степени бездушного и странного, в очках с толстыми стеклами, сквозь которые его глаза казались аквариумными рыбками. Нос у него был ничем не примечательный, прямой, зато он носил бородку в духе Клинта Иствуда. Оглядывая сидящих за столом, он будто подыскивал, с кем бы схлестнуться в словесной перепалке, и уже выбрал было в жертвы одного из гостей – недавно назначенного директора «Радио-3», – но, к несчастью, тот успел попасться в сети музыкального руководителя колледжа и профессора философии. Эти двое усердно разъясняли невезучему коллеге, что фраза «слишком много Моцарта», с учетом приемлемых значений всех трех слов, представляет собой выражение по сути противоречивое, а потому любое содержащее эту фразу выражение бессмысленно и, следовательно, не может использоваться для аргументации в защиту какой бы то ни было стратегии составления программы. У бедолаги побелели костяшки пальцев – так крепко он сжимал вилку и нож, глаза метались в поисках спасения и, увы, наткнулись на взгляд Уоткина.

– Добрый вечер! – благосклонно кивая, произнес Уоткин – само очарование – и надолго уткнулся в только что поставленную перед ним тарелку с супом. Ничего. Этот тип подождет. За спасение ему придется отдать ни много ни мало – полдюжины радиопередач.

За Уоткином Ричард внезапно обнаружил источник давешнего детского смешка. Как ни удивительно, за столом сидела сердитая белокурая девочка лет восьми. Время от времени она раздраженно пинала ножку стола.

– А это кто? – удивленно спросил Ричард у профессора.

– Где? – не менее удивленно переспросил тот.

Ричард исподтишка указал пальцем на девочку.

– Вон там, – прошептал он. – Девочка, совсем маленькая. Это что, новый профессор математики?

Профессор внимательно посмотрел на нее.

– Не имею ни малейшего представления, – в изумлении выговорил он. – Никогда о ней не слышал. Как странно...

В это мгновение вопрос отпал сам собой – сотрудник радиостанции внезапно вырвался из расставленных соседями сетей логических рассуждений, обратился к девочке и велел прекратить стучать по столу. В ответ та принялась с удвоенной энергией болтать ногами в воздухе. Он вновь попросил ее успокоиться, тогда она пнула ногой его самого. Настроение у нее заметно улучшилось, впрочем, ненадолго. Отец девочки вкратце изложил присутствующим свой взгляд на проблему с нянями, которые вечно подводят людей, однако поддержать эту тему никто не захотел.

– Несомненно, цикл программ о Букстехуде ¹ пора было начать давным-давно, – подытожил музыкальный руководитель. – Уверен, вы приложите все силы, чтобы изменить ситуацию при первой же возможности.

– О да, конечно, – отозвался отец девочки и расплескал суп. – Э-э-э, простите, речь идет не о Глюке, правильно я понимаю?

Девочка вновь пнула ножку стола. Отец строго посмотрел на нее, но она лишь наклонила голову и одними губами о чем-то его попросила.

– Не сейчас, – едва слышно ответил он.

– А когда?

– Позже. Может быть. Еще посмотрим.

Она с недовольным видом откинулась на спинку стула и проворчала:

– Ты всегда так говоришь.

– Бедное дитя, – пробормотал профессор. – Уверяю вас, все ученые мужи за этим столом испытывают ровно то же самое. О, благодарю...

Подали суп, и они с Ричардом ненадолго отвлеклись.

– Так расскажите же, друг мой, чем вы занимаетесь? – продолжил профессор, когда они съели по паре ложек супа, при этом каждый независимо от собеседника пришел к мнению, что шедевром кулинарного искусства блюдо не назовешь. – Что-то связанное с компьютерами, насколько я понимаю, и с музыкой? Когда вы учились в колледже, я надеялся, что вы будете читать лекции по английской литературе. Судя по всему, преподаванием вы занимаетесь только в свободное время? – Поднеся ложку ко рту, он выразительно посмотрел на Ричарда и, не дав тому ответить, вдруг воскликнул: – Подождите-ка! У вас, по-моему, даже тогда имелся какой-то компьютер. Когда это было? В семьдесят седьмом, кажется?

– Ну, в семьдесят седьмом году мы называли компьютером простые электрические счеты, но...

– А вот счеты недооценивать не стоит, – возразил профессор. – В умелых руках это очень толковое вычислительное устройство. К тому же не требует электропитания, его можно сделать из любых подручных материалов, и оно никогда не даст сбой в самом разгаре работы.

– Поэтому-то электрические счеты особенно бесполезны, – заключил Ричард.

– Совершенно верно, – согласился профессор.

– Если честно, все операции этого прибора человек мог выполнить самостоятельно, затратив при этом в два раза меньше времени и сил, – сказал Ричард. – Зато он прекрасно выполнял роль медлительного и бестолкового ученика.

Профессор вопросительно посмотрел на него и усмехнулся:

– Не знал, что они в дефиците. Могут попасть хлебным шариком в десяток таких прямо с этого места.

– Знаю. Но давайте посмотрим на это с другой стороны. В чем на самом деле состоит смысл обучения?

Вопрос вызвал одобрительный гул голосов за столом.

Ричард продолжил:

– Я хочу сказать следующее: если нужно что-то как следует уяснить, лучше всего попытаться разжевать это кому-то другому. Так вы упорядочите собственные мысли. Чем тупоголовее ученик, тем тщательнее приходится раскладывать объясняемый материал на простейшие элементы. В этом и состоит суть программирования. К тому времени как вы разобьете сложную мысль на мелкие компоненты, легко считываемые даже глупой машиной, вы, безусловно,

¹ Букстехуде, Дитрих (1637–1707) – датско-немецкий композитор и органист эпохи барокко. Оказал влияние на творчество И.С. Баха.

и сами во всем разберетесь. Обычно учитель усваивает гораздо больше знаний, чем ученик, не так ли?

– Чтобы усвоить меньше моих учеников, нужно хорошенько постараться, – проворчал кто-то из присутствующих. – Такое возможно разве что после лоботомии.

– Целыми днями я сидел за машиной с памятью в шестнадцать килобайт и пытался с ее помощью написать сочинение, хотя на пишущей машинке я справился бы с задачей за пару часов. Меня увлек сам процесс объяснения машине, чего я от нее хочу. По существу, я создал собственный текстовый редактор на языке бейсик. Простая операция поиска и замены в нем занимала около трех часов.

– Что-то не припомню ваших сочинений. Вы вообще их писали?

– Не то чтобы не писал... Это были не совсем сочинения. Меня тогда интересовало нечто иное. К примеру, я обнаружил, что... – Ричард внезапно умолк, улыбнулся про себя и добавил: – А еще я играл в рок-группе на синтезаторе. Но это не помогало.

– Да? Я не знал, – удивился профессор. – Оказывается, в вашем прошлом больше темных пятен, чем я предполагал. И в этом супе, кстати, тоже. – Он тщательно вытер губы салфеткой. – Как-нибудь надо будет сходить на кухню и убедиться, что они готовят еду из хороших продуктов, а плохие выбрасывают. Значит, играли в рок-группе, говорите? Ну и ну! Святые угодники...

– Да, – кивнул Ричард. – Мы назвали ее «Неплохой ансамбль», но на самом деле это имя не соответствовало сути. Хотели стать «битлами» начала восьмидесятых. Мы были более продвинутыми, чем «Битлз», как в финансовом, так и в юридическом плане. Попросту говоря, мы придерживались принципа «не стоит беспокоиться». Поэтому после Кембриджа я три года жил впроголодь.

– По-моему, мы как-то встретились, и вы сказали, что дела у вас идут замечательно?

– Да. Я тогда работал дворником. На улицах было столько грязи. Более чем достаточно, чтобы всю жизнь махать метлой. Тем не менее меня уволили, когда я попытался замести свой мусор на соседний участок.

Профессор покачал головой:

– Эта работа точно не для вас. Есть много профессий, где за такое вас бы вмиг повысили.

– Кем я только не работал... Впрочем, ни одно из занятий от дворничьего далеко не ушло. Долго я нигде не задерживался – слишком уставал, чтобы как следует исполнять свои обязанности. Засыпал то в курятнике, то у картотечных шкафов – смотря где трудился. А ночами просиживал за компьютером, учил его играть «Три слепых мышонка» – это для меня тогда стояло на первом месте.

– Не сомневаюсь, – согласился профессор. – Спасибо, – кивнул он официанту, забравшему тарелку с недоеденным супом, – большое спасибо. Значит, «Три слепых мышонка»? Замечательно. Отлично. Разумеется, в конце концов вы добились успеха, этим и объясняется ваша сегодняшняя известность. Я прав?

– Ну, не только этим. Есть и еще кое-что.

– Я так и знал. Жаль, вы не принесли с собой компьютер. Он помог бы развеселить юную леди, которая вынуждена томиться в скучной компании сварливых стариков. Пожалуй, «мышата» подняли бы ей настроение.

Он наклонился вперед и посмотрел вправо, на сидящую через два стула от него девочку с поникшими плечами.

– Эй! – позвал он.

Девочка удивленно посмотрела на него, застенчиво опустила глаза и опять заболтала ногами.

– Что, по-вашему, хуже, этот суп или наша компания? – осведомился профессор.

Она едва слышно хмыкнула и пожала плечами, не поднимая взгляда.

– Правильно, с ответом спешить не стоит, – продолжил профессор. – Дождемся моркови, а уж потом вынесем решение. Ее готовят с выходных, но, боюсь, что и этого недостаточно. Хуже вареной моркови только Уоткин – вон тот человек в дурацких очках. А меня, кстати, зовут Урбан Кронотис. Можете подойти и дать мне пинка, когда улучите минутку.

Девочка хихикнула и посмотрела на Уоткина. Тот напрягся и крайне безуспешно попытался выдавить из себя благожелательную улыбку.

– А, малышка... – неловко произнес он, пока та, давась от смеха, разглядывала его очки.

Разговор между ними не клеился, однако девочка, обретя союзника, немного повеселела. Ее отец улыбнулся с облегчением.

Между тем профессор повернулся к Ричарду, который внезапно спросил:

– У вас есть семья?

– Нет, – тихо ответил профессор. – Но что же было дальше, после «мышат»?

– Если быть кратким, теперь я работаю в «Новейших технологиях» у Вэя...

– Ах да, знаменитый мистер Вэй. Расскажите, какой он в жизни?

Ричарда всегда немного раздражал этот вопрос, возможно, потому, что его задавали слишком часто.

– В чем-то лучше, а в чем-то хуже, чем его рисует пресса. Мне в нем многое нравится. Как большинство целеустремленных людей, он порой бывает невыносим, но я знаком с ним еще с тех давних времен, когда компания только зарождалась и ни его, ни мое имя никому ни о чем не говорили. Гордон Вэй – отличный парень. Правда, лучше не давать ему номер своего телефона, если только у вас дома не стоит автоответчик промышленного класса.

– Это еще почему?

– Он один из тех, кто может думать, только когда говорит. Едва у него возникает идея, ему нужно ее высказать кому угодно, кто согласится слушать. Если желающих не находится – а такое в последнее время происходит все чаще, – автоответчик тоже подойдет. Он наговаривает на них сообщения часами. У одной из его секретарш все обязанности сводятся к тому, чтобы собирать у людей кассеты с автоответчиков, на которые он звонил, переписывать его речи на бумагу и сортировать. На следующий день она кладет ему на стол синюю папку с отредактированными текстами.

– Значит, синюю?

– Теперь вы спросите, почему он не использует магнитофон, – сказал Ричард, передернув плечами.

– Наверное, потому что не любит разговаривать сам с собой, – после недолгих размышлений отозвался профессор. – В этом есть какая-то логика. Вроде бы.

Он взял в рот кусочек только что поданной пикантной свинины, некоторое время жевал в задумчивости, а затем снова отложил в сторону нож и вилку.

– Ну и какова во всем этом роль юного Макдаффа?

– Гордон поручил мне написать для «Эппл Макинтош» программу для составления финансовой отчетности, ведения бухгалтерской документации, мощную, удобную, выразительную. Я спросил, чего конкретно он от меня ждет, и он ответил: «Всего. Хочу для этой машины суперпрограмму – чтоб и пела, и плясала, если понадобится». Поскольку причуды мне тоже свойственны, я воспринял его слова буквально.

Видите ли, комбинациями цифр можно представить все, что угодно: отобразить поверхность, изменить динамический процесс... А бухгалтерская документация в конечном итоге есть не что иное, как комбинации цифр. Поэтому я взял и написал программу, которая делает с этими цифрами все, что угодно. Хотите столбчатую диаграмму – будет столбчатая диаграмма. Хотите секторную или диаграмму рассеивания – нет проблем. Если пожелаете, танцовщицы вокруг секторной диаграммы будут отвлекать внимание от цифр. Или можно, например, представить цифры в виде стайки чаек, а по взмаху крыла каждой птицы определять показатели

каждого отдела вашей компании. Великолепно подходит для создания анимационных фирменных знаков.

Но самая смешная фишка в том, что программа представляла счета компании еще и в виде музыкального произведения. По крайней мере мне это казалось смешным. А вот клиентам-бизнесменам понравилось, они все как с ума от нее посходили.

Профессор серьезно посмотрел на него, держа перед собой вилку с кусочком моркови, но не произнес ни слова.

– Понимаете, любая мелодия передается как последовательность или комбинация цифр, – вдохновенно продолжал объяснять Ричард. – Цифры же отображают высоту звука, его длину, сочетания...

– То есть мотив, – подсказал профессор. Морковь все еще оставалась нетронутой.

Ричард усмехнулся:

– Мотив – весьма точное слово. Надо запомнить.

– Так будет проще выразить мысль. – Не попробовав морковь, профессор вернул ее на тарелку и спросил: – Значит, программа ваша имела успех?

– Не в этой стране. Оказалось, что годовые отчеты британских компаний в основном звучат как «Похоронный марш» из генделевского «Саула». Зато японцам она весьма приглянулась. У них вышло множество веселых корпоративных гимнов, которые начинаются очень задорно, но, если уж начистоту, к концу становятся чересчур шумными и скрипучими. Что самое главное, программа отлично показала себя в Штатах и имела коммерческий успех. Впрочем, теперь меня больше всего интересует другое: что будет, если убрать из нее счета? Превратить в музыку цифры, представляющие взмахи крыльев ласточки? Что мы тогда услышим? Точно не жужжание кассовых аппаратов, как того хочется Гордону.

– Как интересно, – сказал профессор.

Наконец он положил кусочек моркови в рот, а затем наклонился вперед и посмотрел на свою новую подружку.

– Уоткин проиграл, – произнес он. – На этот раз самое последнее из последних мест достается моркови. Мне жаль, Уоткин, но каким бы противным вы ни были, морковь сегодня бьет все мировые рекорды – она отвратительна.

Девочка хихикнула на этот раз гораздо непринужденнее и улыбнулась Уоткину. Тот изо всех сил старался не вскипеть, но было совершенно очевидно, что сносить насмешки он не привык.

– Пожалуйста, папа, можно сейчас?

Вместе с только что обретенной – хотя и слабой – уверенностью в себе к ней вернулся и голос.

– Потом, – не уступал отец.

– Уже и так много времени прошло. Я засекала.

– Но... – Отец засомневался и тотчас проиграл.

– Мы были в Греции, – тихим, благоговейным голосом произнесла девочка.

– О, в самом деле? – Уоткин слегка кивнул. – Хорошо. В каком-то особом месте или вообще в Греции?

– На острове Патмос, – воодушевилась она. – Там очень красиво. Мне кажется, Патмос – самое прекрасное место на земле. Вот только паромы никогда не ходят по расписанию. Никогда. Я засекала время. Мы опоздали на самолет, но это ничего.

– Ага, на Патмосе, понятно. – Новость Уоткина явно заинтересовала. – Как вы, наверное, догадываетесь, юная леди, грекам недостаточно, что величайшая из культур античного мира обязана своим возникновением им, поэтому они решили взять на себя труд создать и в нашем веке самый грандиозный, можно даже сказать, единственный продукт творческого воображе-

ния. Разумеется, я говорю о расписании паромов в Греции. Впечатляющее творение. Любой, кто путешествовал по Эгейскому морю, это подтвердит. Хм, да... Я так думаю.

Девочка нахмурила брови:

– Я нашла вазу...

– Ничего интересного, – торопливо перебил ее отец. – Вы ведь знаете, как это происходит. Каждый, кто впервые приезжает в Грецию, думает, что он сделал открытие. Ха-ха...

Сидящие за столом закивали. Как ни жаль, но с этим трудно было не согласиться.

– Я нашла ее в гавани, в воде, – не сдавалась девочка. – Пока мы ждали этого чертова парома.

– Сара! Прекрати...

– Ты сам так говорил. Даже еще хуже. Ты называл паром такими словами, которых я не знаю. Я подумала: если здесь соберутся умные люди, то, может, кто-нибудь скажет, правда ли это настоящая древнегреческая ваза или нет. По-моему, она очень старая. Давай достанем ее, папа.

Отец обреченно пожал плечами и начал шарить у себя под стулом.

– А знаете ли вы, юная леди, что на Патмосе написан «Апокалипсис»? Правда, правда. Святым Иоанном Богословом. По-моему, книгу определенно писали в ожидании парома. Да-да. Ведь в начале автор словно пребывает в состоянии задумчивости, как будто приготовился впустую потратить время, скучает в ожидании чего-то и пытается чем-то себя занять, – но затем отчаяние доходит до предела, до галлюцинаций. Мне кажется, все это очень располагает к размышлениям. Возможно, когда-нибудь вы об этом напишете.

Она смотрела на него как на сумасшедшего.

– А вот и ваза, – сказал ее отец и неуклюже водрузил сосуд на стол. – Как видите, ничего особенного. Девочке всего шесть лет, – добавил он, натянуто улыбаясь. – Да, малышка?

– Семь, – отозвалась Сара.

Ваза представляла собой небольшой, округлой формы сосуд около пяти дюймов в высоту и четырех дюймов в самом широком месте, с очень узким, коротким горлышком. Почти наполовину его покрывал слой спекшейся земли, на свободных же от грязи участках просматривалась шершавая красноватая поверхность.

Сара взяла вазу и протянула сидящему справа от нее преподавателю.

– Вы, кажется, умный, – обратилась она к нему. – Скажите, что вы думаете?

Тот взял вазу в руки и с надменным видом перевернул вверх доньшком.

– Уверен, если соскоблить отсюда грязь, – заметил он с легкой иронией, – мы увидим надпись «Сделано в Бирмингеме».

– Значит, ваза старая, – принужденно усмехнувшись, вставил отец Сары. – Там уже давным-давно ничего не производят.

– В любом случае, – отозвался преподаватель, – в этом деле я не специалист. Я занимаюсь молекулярной биологией. Кто еще желает взглянуть?

Этот вопрос не встретил особого энтузиазма, однако сосуд все же пошел по рукам и достиг дальнего конца стола. Его разглядывали так и сяк сквозь толстые линзы, очки в роговой оправе, очки-полумесяцы, на него, близоруко щурясь, смотрели те, кто забыл очки в кармане другого костюма, а теперь, вспомнив об этом, вдруг встревожился, как бы костюм не отдали в чистку. Никто не знал, сколько вазе лет, и никого это особо не беспокоило. На лице девочки вновь проступило уныние.

– Пни трухлявые, – буркнул профессор, опять взял серебряную солонку и вытянул вперед руку. – Юная леди! – обратился он к девочке.

– О, только не это, – зашипел археолог Коули, откинулся на спинку стула и прикрыл ладонями уши.

– Юная леди, – повторил профессор, – видите, вот обычная серебряная солонка. И обычная шапка.

– Нет у вас никакой шапки, – угрюмо бросила девочка.

– Ой, одну секундочку.

Профессор ненадолго вышел и вернулся со своей красной лыжной шапочкой.

– Видите, – снова сказал он, – вот обычная серебряная солонка. А вот обычная шерстяная шапка. Я кладу солонку в шапку, вот так, и передаю вам. Следующая часть фокуса целиком и полностью зависит от вас, юная леди.

Он вручил ей шапку, не обращая внимания на сидящих между ними Уоткина и Коули. Сара взяла шапку и заглянула внутрь.

– А где солонка? – Ее глаза округлились.

– Там, куда вы ее положили, – ответил профессор.

– Ага, – сказала Сара, – понятно. Ну и... ничего интересного.

Профессор пожал плечами.

– Да, скромный фокус, но мне нравится, – отрезал он и вновь повернулся к Ричарду. – Так о чем мы с вами говорили?

Ричарда взяла легкая оторопь. Профессор всегда был подвержен резким перепадам настроения, но сейчас создавалось впечатление, будто вся теплота и сердечность покинули его в одночасье. На лице появилось то же рассеянное выражение, что и давеча, когда он был ошеломлен, увидев Ричарда на пороге своего дома.

Профессор заметил смущение и поспешно улыбнулся.

– Мой дорогой друг! – воскликнул он. – Мой дорогой друг! На чем же я остановился?

– Э-э-э, вы сказали: «Мой дорогой друг»...

– Да, но, по-моему, я собирался сказать что-то еще... Это была прелюдия, если так можно выразиться, короткая токката на тему «какой прекрасный вы человек», чтобы ввести главный предмет моего доклада, содержание которого я, к сожалению, забыл. Вы, часом, не в курсе, о чем я хотел говорить?

– Нет.

– Ах, ну и прекрасно. Если бы все в точности это знали, что было бы толку в моих речах? Итак, что там с сосудом нашей юной гостьи?

Тем временем ваза уже дошла до Уоткина. Тот заявил, что он не специалист и разбирается не в том, из чего древние греки пили вино, а лишь в том, что они в итоге написали. Затем он назвал Коули крупным и уважаемым экспертом и попытался всучить сосуд ему.

– Я говорю, – он повысил голос, – вы уважаемый эксперт, мы все восхищаемся вашими достижениями в области археологии. Да уберите вы руки с ушей, ради всего святого, и взгляните на эту штуковину!

Осторожно, но уверенно Уоткин отодвинул правую ладонь Коули от уха, объяснил, что от него хотят, и вручил вазу. Археолог бегло, но со знанием дела ее осмотрел.

– Да... лет двести, я думаю. Топорная работа. Весьма примитивный образчик в ряду себе подобных. Разумеется, никакой ценности не представляет, – безапелляционно заявил он, поставил вазу на стол и воззрился на старинные портреты, которые почему-то будили в нем злость.

На Сару это подействовало незамедлительно. К тому времени ее и так уже успели разочаровать, теперь же она совсем приуныла. Девочка закусил губу и вжалась в спинку стула, чувствуя себя маленькой и глупой. Отец бросил на нее суровый взгляд и опять извинился за ее поведение.

– Что ж, Букстехуде так Букстехуде, – торопливо произнес он. – Да, старый добрый Букстехуде. Посмотрим, что можно сделать. Скажите...

– Юная леди! – прервал его охрипший от удивления голос. – Оказывается, вы всесильный маг и волшебница!

Все уставились на профессора, этого старого шута. Он держал в руках вазу и с безумным восхищением смотрел на нее, затем медленно перевел оценивающий взгляд на девочку, будто впервые увидел перед собой достойного соперника.

– Я преклоняюсь перед вами, – прошептал он. – И пусть я недостоин обратиться к столь могущественной колдунье, позвольте поздравить вас с прекрасным исполнением магического трюка, очевидцем которого я имею честь быть.

Девочка вытаращила на него глаза.

– Позвольте мне продемонстрировать этим людям свершенное вами чудо, – с серьезным видом попросил он.

Она нерешительно кивнула, и профессор с размаху ударил столь ценную для нее, но принесшую горькое разочарование вазу о стол.

Сосуд раскололся на две неровные части, на скатерть обсыпались куски ссохшейся глины. Одна часть вазы упала на стол, вторая осталась стоять.

Сарины глаза округлились при виде притулившейся среди осколков, грязной, но все же вполне узнаваемой солонки.

– Старый дурак, – пробурчал Коули.

Когда рокот осуждения и недовольства столь дешевым трюком стих – ничуть, правда, не уменьшив благоговейного блеска в глазах Сары, – профессор повернулся к Ричарду и будто бы между прочим спросил:

– Помните, в колледже вы дружили с одним парнем. Давно вы его видели? Ну, у него еще было странное имя, восточноевропейское. Вроде Свлад... Свлад Чьелли. Помните его?

Ричард какое-то время смотрел на него непонимающим взглядом.

– Свлад? – переспросил он. – А, вы хотите сказать, Дирк. Дирк Чьелли. Нет. Мы с ним не поддерживаем отношения. Пару раз я встречал его на улице, вот и все. По-моему, он то и дело меняет себе имена. Почему вы о нем спрашиваете?

Глава 5

Высоко на скале электрический монах продолжал сидеть верхом на терпеливой и безропотной лошади, начинающей все же потихоньку выходить из себя. Из-под капюшона холщовой сутаны монах немигающим взглядом взирал на долину. С долиной у него снова возникла проблема, на этот раз совершенно иного, незнакомого монаху свойства: у него вдруг появились жуткие сомнения.

Сомнения никогда не терзали его долго, но если это все же случалось, они основательно вгрызались в его корневой каталог.

День был жарким; солнце, замерев в подернутом дымкой небе, выжигало серые камни и чахлую, иссохшую траву. Ничто не шевелилось, даже монах. Внезапно в его мозгу что-то зашипело, будто в буферный накопитель попали ошибочные данные.

В монахе пробуждалась новая вера – сперва судорожно, рывками, затем, вспыхнув огромным белым пламенем, она заглушила все предыдущие стойкие убеждения, в том числе и в розовой окраске долины. Он вдруг уверовал, что где-то внизу, примерно в миле от него, вскоре откроется таинственная дверь в неизвестный далекий мир. Дверь, через которую он сможет туда попасть. Удивительно.

И как это ни странно, на этот раз он оказался абсолютно прав.

Лошадь что-то почувствовала, насторожилась и слегка мотнула головой. Столь долгое созерцание каменных глыб едва не ввело ее в транс; она уже и сама была готова поверить, что камни – розовые. Она мотнула головой еще раз, несколько энергичнее.

Монах слегка натянул поводья, ткнул каблуками в бока, лошадь тронулась и стала спускаться. Путь был нелегок. Под ногами, шурша, съезжали вниз коричневые и серые сланцы, кое-где торчали с трудом зацепившиеся корнями за землю бурые и зеленые растения. Разноцветье ничуть не смущало монаха. Теперь он стал старше, мудрее и выбросил глупости из головы. Розовые долины, двуполые столы – все это просто необходимо пройти на пути к истинному просветлению.

Солнце палило нещадно. Монах утер с лица пот и грязь и остановил лошадь, чтобы прилечь к ее шее и немного передохнуть. Сквозь мерцающее марево он сосредоточенно смотрел вниз, на огромный каменный выступ посреди долины. Монах надеялся – или скорее страстно верил всем своим существом, – что там, за тем выступом, его ждет дверь. Он попробовал всмотреться еще пристальнее, но мешало колыхание раскаленного воздуха.

Монах выпрямился в седле и уже собрался подстегнуть лошадь, как вдруг ему попало на глаза нечто странное.

На плоской поверхности скалы неподалеку от него – на самом деле так близко, что непонятно, как он раньше этого не заметил, – красовался большой рисунок. Выполнен он был довольно топорно, однако в то же время не без некоторого изящества, и казался очень старым, возможно, даже древним. Краска уже давно выцвела, местами облупилась и пошла пятнами – издали не разглядеть, что именно представлял рисунок. Монах подъехал чуть ближе: похоже на сцену охоты первобытных людей.

Лиловые создания с массой конечностей, по-видимому, были охотниками. С грубыми копьями в руках они неотступно преследовали огромную рогатую тварь в панцире, которую, судя по всему, уже успели ранить. Потускневшие краски почти исчезли. Хорошо просматривались только зубы охотников – они сияли так, словно их белизну не под силу стереть многим тысячам лет. И вообще они заставили монаха вспомнить о собственных зубах и устыдиться, хотя почистил он их не далее как сегодня утром.

Монах и раньше видел подобные рисунки, но только на картинках и по телевизору. Как правило, их находили в пещерах – там они были неподвластны разрушительному действию природы, иначе давно пропали бы.

Он осмотрелся вокруг и обнаружил, что хоть скала и находится не в пещере, рисунок все же худо-бедно защищен от ветра и дождя огромными выступами сверху и по бокам. Впрочем, все равно странно, что он продержался так долго. И еще более странно, что его до сих пор никто не обнаружил. Все пещерные изображения такого рода достаточно известны и всем давно знакомы, однако этот образец наскальной живописи монах встретил впервые.

А вдруг ему посчастливилось сделать великое историческое открытие? Если он вернется в город и расскажет о нем, его встретят с распростертыми объятиями, установят новую материнскую плату и позволят верить... верить... во что? Он замер, зажмурился и тряхнул головой, чтобы устранить очередную системную ошибку.

Все это глупости.

Он верит в существование двери. Ему нужно ее найти. Дверь – это путь в... в...

Дверь – это Путь.

Вот так.

Если нечем крыть, выйти из положения всегда помогут заглавные буквы.

Монах бесцеремонно дернул поводья и продолжил спуск, оказавшийся еще более сложным, чем раньше. Когда через несколько минут они достигли ложа долины, он вдруг немного растерялся: на спекшейся бурой земле действительно лежал бледный розовато-коричневый слой пыли, особенно заметный по берегам вялотекущего ручейка, в который палящее солнце превратило бурную реку. Монах спешил, потрогал пыль, пропустил ее сквозь пальцы. Пыль приятно щекотала ладонь, была очень тонкой и по цвету почти такой же, как его кожа... может, чуточку бледнее.

Взглянув на не сводящую с него глаз лошадь, он понял – хотя и запоздало, – что ее, должно быть, мучит нестерпимая жажда. Монах тоже очень хотел пить, но старался не думать об этом. Он отстегнул от седла фляжку – уже такую легкую, что сжималось сердце, – открутил колпачок, отхлебнул, а затем налил немного воды в горсть. Лошадь жадно втянула воду губами и снова уставилась на него.

Монах печально покачал головой, закрыл фляжку и повесил на место. Небольшой частью разума, где хранились фактические и логические данные, он понимал, что воды надолго не хватит, а без нее надолго не хватит и их с лошадью. И только вера толкала его вперед. Теперь это была вера в существование двери.

Он отряхнул розовую пыль с грубого платья, выпрямился и посмотрел на каменный выступ, до которого оставалось ярдов сто. Ничто не дрогнуло у него в груди. И хотя основная часть его разума была тверда и несокрушима в своем убеждении, что за выступом находится дверь, а дверь – это путь, крошечная часть рассудка, та самая, где хранилась информация о фляжке с водой, все же воскрешала в памяти бывшие разочарования и пусть и негромко, но настойчиво призывала проявлять осторожность.

Если не пойти и лично не убедиться в существовании двери, придется верить в нее всегда. Его будет тянуть туда как магнитом всю жизнь. (То есть на протяжении того короткого отрезка времени, что от нее останется, – подсказала часть рассудка, помнившая о фляжке.)

С другой стороны, если он решит засвидетельствовать двери свое почтение, а ее там не окажется, то... что тогда?

Лошадь нетерпеливо заржала.

Ответ, разумеется, очень прост. Его снабдили целой монтажной платой для решения этой проблемы; именно для этого он и предназначен. Он будет продолжать верить в ее существование вопреки любым фактам. Для чего же еще нужна вера?

Дверь все равно есть, пусть даже ее и нет.

Он собрался с духом. Дверь там, и он должен к ней подойти, потому что дверь – это путь. Монах взял лошадь под уздцы и пошел. Путь до двери недалог, а приближаться к ней следует со всей покорностью.

Отважно расправив плечи, он ступал медленно и торжественно и вскоре достиг каменистого выступа. Подошел к нему. Заглянул за угол.

И увидел дверь.

Лошадь, кстати, была весьма этим удивлена.

В благоговейном трепете потрясенный монах рухнул на колени. Он так привык к горьким разочарованиям, преследовавшим его всю жизнь, что был совершенно не готов к такому повороту событий. В системе возник сбой, монах смотрел на дверь отсутствующим взглядом.

В жизни он сталкивался только с огромными, армированными сталью дверями. Они обеспечивали сохранность видеомэгнитофонов, посудомоечных машин, ну и, разумеется, дорогостоящих электрических монахов. Эта же дверь была простенькой, деревянной, размером не больше его самого, выкрашена в белый цвет, со слегка поцарапанной медной ручкой, прикрученной с одной стороны чуть ниже середины. Дверь приделали к скале, зачем и почему – неизвестно.

Ни жив ни мертв от страха, бедный монах кое-как поднялся на ноги, боязливо подошел ближе, коснулся двери и тут же отскочил назад, ошарашенный тем, что не сработала сигнализация. Он вновь дотронулся до двери, на этот раз решительнее.

Затем он медленно опустил ладонь на ручку. Опять тишина. На всякий случай обождав минуту, он легонько повернул ручку и почувствовал, как открылся замочный механизм. Монах затаил дыхание. Ни звука. Он потянул дверь на себя, та свободно поддалась. Он заглянул внутрь, но после слепящего солнца ничего не разглядел в темноте. Наконец, едва живой от страха и любопытства, он ступил вперед, таща за собой лошадь.

Спустя несколько минут некто, скрывавшийся доселе за выступом другой скалы, закончил втирать пыль себе в лицо, встал на ноги, потянулся и подошел к двери, отряхивая по пути одежду.

Глава 6

В стране Ксанад благословенной
Дворец построил Кубла Хан... ²

Чтец явно придерживался той точки зрения, что лучше всего достоинство и величие стихотворения передается, если декламировать его шутовским голосом. Голос то взмывал вверх, то устремлялся вниз, отчего казалось, что слова разбегаются во все стороны и ищут, где бы спрятаться.

Где Альф бежит, поток священный,
Сквозь мглу пещер гигантских, пенный,
Впадает в сонный океан.

Ричард расслабленно откинулся на спинку стула. Как любому выпускнику отделения английского языка и литературы колледжа Святого Седда, стихи ему были давно знакомы, и слова легко всплывали в памяти.

Кольриджу в учебном заведении уделялось поистине огромное внимание, несмотря на всем известный факт его пристрастия к легким наркотикам, под воздействием которых к нему во сне и явилось величайшее творение.

Рукопись поэмы берегли как зеницу ока и извлекали из библиотечного хранилища раз в год – чтобы прочитать на обеде в честь Кольриджа.

На десять миль оградой стен и башен
Оазис плодородный окружен,
Садами и ручьями он украшен.
В нем фимиами цветы струят сквозь сон,
И древний лес, роскошен и печален,
Блестит там воздушностью прогалин.

Интересно, надолго ли это растянется, думал Ричард. Он скосил глаза и с тревогой отметил усердие декламатора. Сперва заунывный голос его раздражал, однако через некоторое время стал успокаивать. Ричард смотрел на ручеек воска, стекающий по оплывшей свече, угасающее пламя освещало остатки еды на тарелках.

Но между кедров, полных тишиной,
Расщелина по склону ниспадала.
О, никогда под бледною луной
Так пышен не был тот уют лесной,
Где женщина о демоне рыдала.

За обедом он позволил себе немного красного вина, и теперь приятная теплота растеклась по телу, разум слегка затуманился. Вопрос профессора внезапно заставил Ричарда задуматься: а действительно, что стало с его бывшим другом?... И вообще, можно ли его так назвать? С Дирком вечно происходили какие-то странные события, непонятным образом вза-

² Кольридж С. «Кубла Хан, или Видение во сне», цитируется в переводе К.Д. Бальмонта.

имосвязанные... По большому счету разумно было бы предположить, что у него есть друзья, однако в самой этой мысли уже ощущалась некая неувязка, как если бы, к примеру, кто-то заявил бы, что Суэцкий кризис вспыхнул из-за булочки.

Свлад Чьелли. Широко известный как Дирк. Нет, скорее не широко, а скандально известный. С ним хотели познакомиться, о нем ходили бесконечные слухи – это правда. Но популярным его вряд ли назовешь. Его можно сравнить с серьезной аварией на автотрассе: каждый притормаживает, чтобы приглядеться, но слишком близко подойти никто не решается: чего доброго, обожжет пламенем. Пресловутый – вот подходящее слово. Свлад Чьелли, тот самый пресловутый Дирк.

Он был упитаннее большинства своих сокурсников и страстно любил шляпы (точнее, одну-единственную шляпу), что для молодого человека его возраста было редкостью. Шляпу он носил темно-красного цвета, круглую, с плоскими полями. Как бы ее хозяин ни крутил головой, она всегда удивительным образом удерживалась в горизонтальном положении. Весьма примечательная вещь, которая, впрочем, не подчеркивала достоинств своего обладателя. А вот в качестве абажура для ночника она вполне могла бы послужить стильным и броским декоративным элементом.

Людей как магнитом притягивали к нему слухи, которые он не уставал опровергать и которые брались неизвестно откуда. Похоже, источником служили сами опровержения.

Молва наделила его способностями экстрасенса, унаследованными якобы по линии матери, чья семья, по словам Дирка, жила хоть и в Трансильвании, но в цивилизованном ее уголке. Строго говоря, он ничего не утверждал, а лишь называл все слухи абсолютной чепухой и упорно отметал все предположения, что среди его родни есть летучие мыши, угрожая судебным преследованием каждому, от кого услышит эти злобные выдумки. Тем не менее одеваться он предпочитал в широкое кожаное пальто, а у себя в комнате установил тренажер, предназначенный будто бы для лечения спины. В любое время дня и – что характерно – ночи его могли застать висящим на снаряде вниз головой, при этом он решительно отрицал какие бы то ни было ассоциации с летучими мышами.

С помощью стратегически грамотно построенного опровержения самых невероятных и фантастических слухов ему удалось завоевать себе славу экстрасенса, оккультиста, телепата, колдуна, ясновидца и психосассической летучей мыши-вампира.

Слово «психосассическая» он выдумал сам и сам же категорически отрицал, что оно вообще имеет хоть какой-то смысл.

Пленительное место! Из него,
В кипенье беспрерывного волненья,
Земля, как бы не в силах своего
Сдержанья неумолимого мученья,
Роняла вниз обломки...

А еще Дирк постоянно был на мели. Но однажды все изменилось.

Начало переменам положил доверчивый паренек по фамилии Мендер. За эту доверчивость Дирк его, наверное, и выбрал в соседи по комнате.

Стив Мендер заметил, что Дирк, завалившись спать пьяным, разговаривает во сне. Да не просто разговаривает, а бормочет что-то вроде: «Открытие торговых путей... бу-бу-бу... как решающий фактор развития империи... хр-р-р... фьюить... Раскройте тему».

...между этих скал,
Где камень с камнем бешено плясал...

Услышав это впервые, Стив Мендер как ужаленный подскочил в кровати. Второй год обучения близился к концу, на носу – экзамены, а бормотание Дирка поразительно напоминало вопрос из билета по истории экономики.

Мендер на цыпочках подкрался к Дирку и, затаив дыхание, слушал, однако, кроме нескольких несвязных фраз вроде «земля Шлезвиг-Гольштейн» и «франко-прусская война», которые Дирк пробубнил, зарывшись лицом в подушку, разобрать ничего не удалось.

Тем не менее новость распространилась быстро и незаметно, как лесной пожар.

Рождалось внезапное течение,
Поток священный быстро воды мчал...

Весь следующий месяц Дирк был нарасхват: его приглашали в гости, кормили и поили вином в надежде, что во сне он выдаст хоть немного еще экзаменационных вопросов. Как ни удивительно, чем вкуснее была еда и изысканнее вина, тем реже он засыпал лицом в подушку.

Дирк обернул себе на пользу якобы открывшиеся способности, даже не притязая на их наличие. Услышав истории о своем предполагаемом даре, он скептически смеялся, а порой даже выходил из себя.

И на пять миль изгибами излучин
Поток бежал, пронзив лесной туман,
И вдруг, как бы усилием замучен,
Сквозь мглу пещер, где мрак от влаги звучен,
В безжизненный впадал он океан.
И из пещер, где человек не мерял
Ни призрачный объем, ни глубину,
Рождались крики: вняв им, Кубла верил,
Что возвещают праотцы войну.

Вдобавок ко всему, хоть сам он это и отрицал, во сне Дирк слышал какие-то мелодии, а спустя две недели кто-то вдруг превращал их в очередной музыкальный хит. Впрочем, организовать это нетрудно.

Дирк не прилагал почти никаких усилий к распространению мифов о себе. По натуре он был ленив и, ничем себя не утруждая, лишь позволил доверчивым людям делать всю работу за него. Лень – вот на чем все держалось. Обоснуй он свои сверхъестественные способности подробно и тщательно, у окружающих возникли бы подозрения, и они потребовали бы объяснений. Зато чем туманнее и расплывчатее были его «предсказания», тем охотнее люди ему верили и предавались пустым мечтам.

Со стороны казалось, что Дирку от всего этого нет никакой пользы. В действительности же, если взять да подсчитать, для любого студента ежедневно угощаться за чужой счет еще как выгодно.

Но опять же, разумеется, он сам никогда не признавал свои способности – наоборот, все решительно отрицал.

А потому находился в весьма удобном положении, чтобы в конечном итоге – совсем чуть-чуть – сжульничать.

И тень чертогов наслажденья
Плыла по глади влажных сфер,
И стройный гул вставал от пенья,
И странно-слитен был размер

В напеве влаги и пещер.
Какое странное виденье —
Дворец любви и наслажденья
Меж вечных льдов и влажных сфер.

– Боже правый!.. – Профессор вздрогнул и проснулся.

От вина и заунывного голоса чтеца его сморило, и теперь он удивленно озирался, однако вокруг ничего не изменилось. В огромном зале, в теплой, умиротворенной тишине звенели слова поэмы Кольриджа. Поморщившись, профессор вновь задремал, на этот раз не так глубоко.

Стройно-звучные напевы
Раз услышал я во сне
Абиссинской нежной девы,
Певшей в ясной тишине,
Под созвучья гуслей сонных,
Многопевных, многозвонных,
Ливших зов струны к струне.
О, когда б я вспомнил взоры
Девы, певшей мне во сне
О Горе святой Аборы...

Дирк все же поддался на уговоры погрузиться в гипнотический сон и дать прогноз относительно того, какие вопросы будут в билетах летней сессии.

Идею подсказал он сам, когда принялся перечислять, чего именно не станет делать ни при каких обстоятельствах, только чтобы доказать отсутствие у него предполагаемых и усердно отрицаемых им способностей, пусть даже ему этого очень хочется.

Чтобы раз и навсегда покончить со слухами и доказать, что они – не что иное, как полный абсурд и чепуха, он согласился на гипноз, но на тщательно обдуманных условиях: он запишет предсказание методом автоматического письма, запечатает в конверт и сдаст на хранение в банк. Точность прогноза можно будет проверить только по окончании экзаменов.

Нечего удивляться, что после этого его то и дело просили разрешить взглянуть на предсказания за довольно кругленькую сумму. Такие предложения его возмущали. Он называл их непорядочными...

Дух мой вспыхнул бы в огне,
Все возможно было б мне.
В полноразмерные размеры
Заклечь тогда я мог
Эти льдистые пещеры,
Этот солнечный чертог.

Через некоторое время те, кто случайно сталкивался с Дирком в городе, вдруг стали замечать встревоженное, обреченное выражение на его лице. От расспросов он сперва отрицался, но в конце концов нечаянно обронил, что его матери срочно требуются чрезвычайно дорогие услуги частного дантиста, а денег нет.

С этого времени прием добровольных пожертвований на лечение матери взамен на беглый просмотр предсказанных им экзаменационных вопросов пошел как по маслу, без лишней шумихи.

Затем вдруг выяснилось, что таинственную операцию по силам выполнить одному-единственному хирургу-стоматологу родом из Восточной Европы, проживающему в Малибу. И размеры пожертвований моментально взлетели до небес.

Разумеется, Дирк не допускал и мысли, что все это затеяно только для рекламы его мистических способностей. Он вообще отрицал их наличие и утверждал, что согласился на эксперимент с единственной целью – раз и навсегда опровергнуть все слухи, а если уж люди так хотят верить в его силу, то он – так и быть – сделает им одолжение и позволит заплатить за лечение его горячо любимой больной мамы.

В этой ситуации он должен был выйти сухим из воды.

По крайней мере ему так казалось.

Их все бы ясно увидали
Над зыбью, полной звонов, дали,
И крик пронесся б как гроза:
Сюда, скорей сюда, глядите,
О, как горят его глаза!

Собственно говоря, чтобы на свет появились те самые записанные в состоянии гипнотического сна вопросы, понадобилось минимум усилий. Дирк всего лишь просмотрел билеты предыдущих лет, уловил принцип, по которому они составлялись, и вывел некоторые предположения. Он не сомневался: число совпадений будет достаточно высоким, чтобы обрадовать наивных простаков, и достаточно низким, чтобы усыпить подозрения остальных.

И вроде бы все так и вышло.

Но самое поразительное, что произвело фурор и в конечном итоге привело к его отчислению из Кембриджа и едва не закончилось для него тюрьмой: все предсказанные им экзаменационные билеты совпали с действительными.

Тютелька в тютельку. До последней запятой.

Пред песнопевцем взор склоните,
И этой грезы слыша звон,
Сомкнемся тесным хороводом,
Затем что он воскормлен медом
И млеком рая напоен!

А если вспомнить шквал сенсационных сообщений в прессе! Сначала его изобличали как мошенника и афериста, затем вдруг принялись прославлять как героя, и так несколько раз по кругу, пока всем это не надоело и внимание общественности не переключилось на какого-то хитреца, обставляющего всех подряд в бильярд...

Позже Ричард встречал Дирка время от времени. Тот приветствовал его сначала осторожной ухмылкой, будто проверяя, не желает ли Ричард взыскать с него какой-нибудь прошлый долг, а потом расплывался улыбкой во весь рот в надежде занять немного денег. Дирк то и дело менял фамилии, и Ричард сделал вывод, что он так ведет себя не с ним одним.

В Ричарде вдруг шевельнулось чувство острой жалости: человек, ярко блиставший в тесном университетском кругу, поблек в свете будничных дней. Он задумался, почему так резко и неожиданно, но в то же время так беззаботно и небрежно прозвучал вопрос профессора.

Ричард посмотрел по сторонам: на похрапывающего профессора; притихшую, восторженную Сару; на огромный зал в мерцающих отблесках света; на старинные портреты министров и поэтов – в темноте они были почти неразличимы, лишь то тут, то там, озаренные свечным пламенем, вспыхивали их белозубые улыбки; на заведующего кафедрой английского

языка и литературы; на книгу «Кубла Хан» у него в руках; и наконец – исподтишка – на собственные часы. И вновь откинулся на спинку стула.

Чтец дошел до второй, еще более странной части поэмы...

Глава 7

Последний день жизни клонился к вечеру, а Гордона Вэя интересовало только одно – лишь бы на выходные не пошел дождь. Синоптики обещали переменчивую погоду: сегодня ночью туман, в пятницу и субботу днем солнечно, но прохладно, к вечеру воскресенья в отдельных районах возможны ливни. Как раз когда все поедут домой, в город.

Все, кроме Гордона Вэя.

Разумеется, об этом синоптики умолчали, потому что предсказывать такое не входит в их обязанности. Но и гороскоп тоже не сказал ничего определенного: предупредил об аномальной планетарной активности в его знаке зодиака, посоветовал не смешивать желаемое с необходимым, а при решении рабочих вопросов действовать спокойно, решительно и беспристрастно. По непонятной причине в гороскопе забыли упомянуть, что к концу дня Гордон Вэй будет мертв.

Неподалеку от Кембриджа он остановился у небольшой бензоколонки, однако перед тем, как заправиться, несколько минут разговаривал в машине по телефону.

– Ладно, позвоню завтра, – сказал он, – или сегодня, только попозже. А лучше позвони сама. Через полчаса я буду в коттедже. Да, я знаю, этот проект важен для тебя... Да, хорошо, важен для всех, и давай на этом остановимся. Он нужен и тебе, и мне. Конечно, о чем речь... Я и не говорил, что мы перестанем его финансировать. Просто проект дорогостоящий, и нам следует взглянуть на все это спокойно, решительно и беспристрастно. Послушай, может, ты приедешь ко мне, и мы все обсудим?... Ладно, да, я понимаю. Знаю. В общем, подумай об этом, Кейт. Созвонимся. Пока.

Он положил трубку и еще пару минут посидел в машине – просторном, серебристо-сером «мерседесе», какие обычно используют для рекламы. И не обязательно для рекламы самого «мерседеса». Гордон Вэй, брат Сьюзан и работодатель Ричарда Макдаффа, был богатым человеком, основателем и владельцем компании «Новейшие технологии 2». Первая фирма, «Новейшие технологии», прогорела по самой заурядной причине, а с ней вылетели в трубу и все заработанные деньги.

К счастью, ему снова удалось разбогатеть.

«Заурядная причина» состояла в том, что он продолжал заниматься компьютерной техникой, когда каждому подростку в стране уже наскучило возиться с дребезжащими «ящиками». Так что на этот раз он сделал ставку на программное обеспечение. Создав два продукта, один из которых – «Гимн» (второй, еще более рентабельный, так и не увидел свет), компания «Новейшие технологии 2» оказалась единственным британским разработчиком программного обеспечения, которого можно было упомянуть в одном предложении с «Майкрософт» и «Лотус». Пусть это предложение и начиналось со слов ««Новейшие технологии» в отличие от таких крупных американских компаний, как “Майкрософт” и “Лотус”...», но все же! «Новейшие технологии» существуют. А Гордон Вэй – их владелец.

Он вставил кассету в стереомагнитофон. Послышался мягкий, чинный щелчок, и через секунду из восьми динамиков, скрытых за матовыми черными решеточками, полились звуки «Болеро» Равеля, настолько прорисованные и глубокие, что возникало ощущение физического присутствия на ледовой арене³. Гордон мягко выстукивал мелодию по оплетке руля и смотрел на приборную доску, на изящные подсвеченные цифры и крошечные огоньки. Спустя некоторое время до него дошло, что на бензоколонке самообслуживание, поэтому придется выходить из машины.

³ Отсылка к победному выступлению под знаменитую музыку Равеля фигуристов из Ноттингема Джейн Торвилл и Кристофера Дина на XIV зимних Олимпийских играх в Сараево.

На заправку ушло минуты две. Притопывая ногами от холода, Гордон Вэй залил бак, затем подошел к небольшой обшарпанной будке, заплатил за бензин, прикупил пару местных карт и несколько минут с энтузиазмом рассказывал кассиру о возможных перспективах развития компьютерной отрасли в будущем году. Он выдвинул предположение, что параллельная обработка данных станет основным ключом к поистине высокопроизводительным программам, но глубоко усомнился, что исследования искусственного интеллекта, в частности, с использованием языка ПроЛог, в ближайшем будущем приведут хотя бы к мало-мальски жизнеспособному в коммерческом плане результату, по крайней мере в том, что касается офисной компьютерной среды. На кассира эти разглагольствования не произвели ровно никакого впечатления.

– Очень разговорчивый попался парень, – объяснял тот позже полиции. – Уйди я на десять минут в туалет, он рассказывал бы все это кассовому аппарату. А задержись я еще немного, аппарат бы тоже не выдержал. Да, это точно он, – добавил кассир, снова взглянув на фотографию Гордона Вэя. – У него здесь рот закрыт, вот я его и не признал сперва.

– И ничего подозрительного? Вы в этом абсолютно уверены? – допытывался полицейский. – Ничто не показалось вам странным?

– Нет, я уже говорил: самый обычный покупатель в самый обычный вечер. Такой же, как все остальные.

Полицейский в упор посмотрел на него.

– А вот предположим, если бы вы увидели такое... – Полицейский свел в кучку глаза, вывалил изо рта язык и несколько раз подскочил на месте, крутя в ушах пальцами. – Вы бы тоже не удивились? Что бы вы подумали?

– Ну, э-э-э... – Кассир испуганно отпрянул. – Подумал бы, что вы спятили...

– Хорошо, – сказал полицейский и отложил блокнот. – Просто у всех свои представления о странностях. Понимаете, сэр? Если вы называете вчерашний вечер обычным, то я – прыщ на заднице у тетки маркиза Куинсберри. Официальные показания мы возьмем у вас позже. Спасибо, что уделили время, сэр.

Все это будет потом.

А пока Гордон сунул карты в карман и зашагал назад к машине. В тумане автомобиль покрылся матовым слоем мельчайших капель, что придавало ему очертания... ну, в общем, очертания чрезвычайно дорогого «мерседеса-бенца». Гордон вдруг подумал, что ему всегда хотелось быть обладателем чего-то подобного. Впрочем, он уже давно научился быстро выкидывать из головы такие мысли, потому что ни к чему хорошему они не приводили, а лишь сбивали с толку.

Он по-хозяйски похлопал по капоту, обошел вокруг и как следует нажал на приоткрытую крышку багажника. Раздался приятный щелчок исправного механизма. Вот в чем достоинство всей этой роскоши! В приятных звуках, издаваемых всегда исправными механизмами. Старые как мир ценности – высокое качество и профессиональное мастерство. Тут Гордон вспомнил, что нужно немедленно дать Сьюзан массу поручений, сел в машину и, едва вырулив на шоссе, набрал номер.

– «...оставьте сообщение на автоответчике, и я вам перезвоню. Возможно».

Пи-и-ип.

– Сьюзан, привет. Это Гордон, – произнес он, прижимая плечом трубку к уху. – Еду в коттедж. Сегодня... э-э-э... четверг, сейчас восемь сорок семь вечера. На дороге туман. Послушай, в выходные я жду американцев, они собираются обсудить реализацию второй версии «Гимна», рекламу и все такое... Ты знаешь, хоть я и не люблю тебя об этом просить, но деваться некуда, приходится.

Мне нужно, чтобы Ричард серьезно занялся делом. И не как всегда... Я обращаюсь к нему, он отвечает: «Да, никаких проблем», а сам... Черт! Грузовик ослепил фарами... Что за

водители... никогда не выключат дальний свет. Так можно и насмерть разбиться! А на автоответчике осталось бы мое последнее пожелание оснастить фуры автоматическими выключателями дальнего света... Послушай, попроси Сьюзан – я имею в виду не тебя, конечно, а мою секретаршу Сьюзан, – пусть напишет от меня тому типу из департамента окружающей среды: если мы обеспечиваем технику, то с них – юридическое сопровождение. Так будет лучше всем. В любом случае он мне кое-чем обязан, да и к чему весь этот конкурс, если мы не в состоянии дать пинка какому-нибудь прохвосту. Можешь намекнуть, что я всю неделю веду переговоры с американцами.

Кстати... Надеюсь, я не забыл положить ружья. Дались же им эти зайцы, почему американцам всегда так хочется пострелять? Я тут прикупил пару карт: вдруг удастся убедить гостей в пользе долгих пеших прогулок? Может, заодно и мысли о зайцах повыветятся. Жалко ведь пушистиков. Надо будет заготовить специальный предупредительный знак наподобие тех, что выставляют у них в Беверли-Хиллз. Что-нибудь вроде «Внимание, ведется стрельба».

Сделай пометку для Сьюзан: пусть раздобудет такой знак и приколотит его к заточенной жерди. Воткнем в землю, чтобы зайцы читали. Конечно, я имею в виду секретаршу Сьюзан, не тебя.

Так, о чем я говорил?

Ах да. О Ричарде и второй версии «Гимна». Сьюзан, через две недели состоится бета-тестирование. Ричард уверяет, что все в порядке. Но каждый раз, когда я захожу к нему в кабинет, у него на экране компьютера одна и та же картинка: диван вертится вокруг своей оси. По словам Ричарда, это важная концепция, но я вижу всего лишь предмет мебели. Людям, мечтающим превратить бухгалтерскую отчетность компании в песню, вряд ли нужен крутящийся диван. Да, и еще. По-моему, пока рано заниматься трансформацией рисунка эрозионной сети Гималаев в пьесу для квинтета флейт.

Теперь о проекте Кейт. Сьюзан, не скрою, он нам дорого встанет и по оплате труда, и по машинному времени. И меня это очень тревожит. Конечно, исследования долгосрочные и важные, но ведь существует вероятность – да-да, всего лишь вероятность, однако нам следует в полной мере все проверить и оценить, – что они ни к чему не приведут... Странно, из багажника слышен какой-то шум. Вроде бы я хорошо его закрыл.

...Так вот, что касается Ричарда. Боюсь, только один человек может узнать, занимается он делом или витает в облаках. И этот человек – Сьюзан. На этот раз я имею в виду, конечно, тебя, Сьюзан, а не свою секретаршу.

Поэтому прошу – хоть мне очень неудобно, честное слово, – но, пожалуйста, повлияй на него. Объясни, как для нас это важно. Он должен понять, что «Новейшие технологии» – развивающаяся коммерческая компания, а не место для постановки опытов. Вечная проблема с этими учеными – выдвинут одну действительно стоящую идею и ждут, что их будут финансировать до скончания века, а сами вычисляют рельеф собственного пупка... Прости, мне нужно остановиться и закрыть багажник. Я сейчас...

Гордон положил трубку на пассажирское сиденье, съехал на обочину, вышел из машины и подошел к багажнику. В это мгновение крышка распахнулась. Некто выскочил из багажника, выстрелом в грудь из двустволки убил его наповал и исчез.

Изумление, испытанное Гордоном Вэем в момент своей внезапной смерти, не идет ни в какое сравнение с тем, как он удивился бы дальнейшим событиям.

Глава 8

– Входите, мой друг, входите.

К квартире профессора на верхнем этаже здания, ютившегося в углу второго внутреннего двора, вела винтовая лестница. Освещение на лестничной площадке никуда не годилось. Все бы ничего, если бы там горела лампочка, однако лампочка отсутствовала, поэтому дверь едва просматривалась и к тому же была заперта. Профессор пытался отыскать ключ в тяжелой связке, напоминавшей оружие ниндзя, метнув которое можно срубить дерево.

Двойные двери в квартирах преподавателей в старой части колледжа образуют нечто вроде шлюзовых камер. И, как это обычно бывает со шлюзовыми камерами, приходится немало постараться, чтобы их открыть.

Наконец профессору удалось найти ключ от наружной двери – это оказалась прочная дубовая плита, покрытая серой краской и лишенная каких-либо декоративных элементов, если не считать узкой прорези для писем и американского замка. Дальше шла вторая дверь, отделанная ничем не примечательными белыми панелями, с самой заурядной медной ручкой.

– Входите, прошу вас, – повторил профессор, нащупывая выключатель.

В темноте тлеющие угольки в камине отбрасывали красные блики на стены, но электрический свет в одно мгновение залил комнату и разрушил магическое очарование. Профессор нерешительно потоптался у порога, будто хотел в чем-то удостовериться, но наконец суетливо и даже как-то радостно сделал шаг вперед.

Просторная гостиная с панелями на стенах была обставлена слегка пообтрепанной мебелью, которая, впрочем, вполне справлялась с основной своей задачей – придать помещению уют. У дальней стены стоял массивный стол красного дерева с толстыми кривыми ножками, заваленный книгами, подшивками газет, папками и норовящими развалиться стопками бумаг. Там же, к удивлению Ричарда, гордо и особняком лежали старые бухгалтерские счета.

Рядом со столом ютились невысокое бюро в стиле ампира – весьма ценная вещь, не будь она такой обшарпанной, – и пара изысканных стульев эпохи королей Георгов, за ними – величавый книжный шкаф викторианского периода. Словом, сразу видно, что здесь живет университетский преподаватель: на стенах карты и гравюры, на полу потертый, выцветший ковер. Создавалось впечатление, что хозяин давным-давно ничего в этой комнате не двигал и не менял. Похоже, так оно и было.

Насколько Ричард помнил по предыдущим своим визитам, одна из дверей в комнате вела в кабинет, уменьшенную копию гостиной: повсюду еще более высокие кипы книг и стопки бумаг, готовые обрушиться в любое мгновение, мебель, пусть старинная и дорогая, усеяна следами от чашек с чаем и кофе и уставлена самими чашками.

Через вторую дверь можно было попасть в тесную и довольно скромно оборудованную кухню, а оттуда винтовая лестничка вела в спальню и ванную комнату.

– Присаживайтесь на диван и попробуйте устроиться поудобнее, – гостеприимно суетился профессор. – Не знаю только, удастся ли вам. Мне все время кажется, что его набили капустными листьями вперемешку с ножами и вилками. – Он серьезно посмотрел на Ричарда. – У вас дома хороший диван?

– Ну, вообще-то да, – рассмеялся тот.

– Правда? – глубокомысленно произнес профессор. – Интересно, где вы его купили? У меня с диванами всегда проблемы. Ни разу в жизни не было удобного. А вам нравится?

Лицо профессора неожиданно приобрело слегка удивленное выражение – он вдруг увидел серебряный поднос с графином вина и тремя бокалами.

– Странно, что вы об этом спросили, – сказал Ричард. – Я еще ни разу на него не присел.

– Весьма мудрое решение! – одобрил профессор. – Весьма.

Ему вновь пришлось повозиться с мантией, чтобы снять верхнюю одежду.

– Не то чтобы я сам этого не хотел, – пустился в объяснения Ричард, – просто диван неожиданно застрял в лестничном пролете на полпути к моей квартире. Грузчики крутили его так и сяк – все зря. Что любопытно, теперь его не протолкнуть не только вперед, но и назад тоже. Так что на него не присядешь.

– Да, удивительно, – согласился профессор. – Никогда не доводилось сталкиваться с математикой безвозвратно застрявших диванов. Чем не новая область исследований? А со специалистами по пространственной геометрии вы не советовались?

– Я нашел лучшее решение. Позвал соседского мальчишку, который раньше мог собрать кубик Рубика за семнадцать секунд. Он сел на лестницу, больше часа изучал положение дивана, прежде чем объявить, что тот застрял бесповоротно. Впрочем, мальчишка повзрослел, и голова у него, вероятно, забита не тем, но его ответ все равно меня озадачил.

– Продолжайте, мой друг, все это очень интересно... Однако прежде позвольте вас чем-нибудь угостить. Может, портвейна? Или коньяку? По-моему, портвейн вам больше придется по душе, его хранят в университетских погребах с тридцать четвертого года. Напиток высочайшего качества, вы такой не пробовали... да и коньяка, честно говоря, у меня нет. А может, кофе? Или другого вина? Есть бутылочка великолепного марго, все никак не находилось повода ее откупорить... Правда, ей бы постоять открытой часика два. Это не означает, что я... Хотя нет, – торопливо добавил он, – марго мы лучше сегодня трогать не будем.

– Если не возражаете, я бы выпил чаю, – пришел ему на помощь Ричард.

Профессор удивленно поднял брови.

– Серьезно?

– Мне еще вести машину.

– И то правда. Тогда я ненадолго отлучусь на кухню. Мне оттуда все хорошо слышно, устраивайтесь поудобнее на моем диване и продолжайте рассказывать о своем. Так давно, вы говорите, он застрял?

– Недели три назад, – ответил Ричард, усаживаясь. – Конечно, я мог бы его распилить на части и выбросить, но должно же быть какое-то логическое объяснение. К тому же это заставило меня задуматься вот о чем: прежде чем покупать мебель, нужно точно знать, не застрянет ли она на лестнице или в проеме. Поэтому я построил трехмерную модель на компьютере, и пока мой компьютер говорит: выхода нет.

– Что-что он говорит? – переспросил профессор, наливая воду в чайник.

– Что ничего нельзя сделать. Я задал команду: рассчитать способ вызволить диван, компьютер ответил, что это невозможно. Я не поверил, но он подтвердил ответ. Тогда я изменил запрос: каким образом диван установили в теперешнее положение? Компьютер утверждает, что этого не могло произойти, если не были основательно раздвинуты стены. Мистика какая-то. Значит, либо что-то непонятное со стенами, либо барахлит программа, – со вздохом заключил Ричард. – А вы как думаете?

– Вы женаты? – крикнул из кухни профессор.

– Что? А, я понимаю, о чем вы. Диван почти месяц стоит на лестнице... Нет, не женат, но девушка у меня есть.

– Да? А чем она занимается?

– Она виолончелистка. Не скрою, из-за дивана мы немного поссорились, и она даже уехала жить обратно к себе, пока я с ним не разберусь. Она...

Ричард вдруг опечалился, встал и принялся бродить по комнате. Он поворошил угли в почти погасшем камине и подбросил дров, чтобы хоть немного согреться.

– Вообще-то Сьюзан – сестра Гордона, – наконец произнес он. – Но они такие разные. По-моему, она не в восторге от компьютеров. Да и отношение брата к деньгам ей тоже не нравится. Впрочем, я ее не виню, она и половины всего не знает.

– Половины чего она не знает?

Ричард вздохнул:

– Скажем так, это касается проекта, который впервые сделал прибыльной программную разработку компании. Она называлась «Интеллект» и была своего рода блестящей находкой.

– Что это за программа?

– Ну, одним словом, программа обратного действия. Забавно, но большинство прекрасных идей представляют собой всего лишь давно известную мысль, просто вывернутую наизнанку. Понимаете, к тому времени уже было написано множество программ, помогающих принять решение путем тщательного упорядочения и анализа всех составляющих. У всех у них один общий недостаток: решение, на которое указывают тщательно упорядоченные и проанализированные факты, далеко не всегда совпадает с тем, чего желали достичь вы.

– Да-а-а-а... – раздался голос профессора из кухни.

– В общем, Гордону пришла гениальная идея: написать программу, позволяющую сначала задать желаемое решение и только потом внести в нее все имеющиеся факты. Задача (а с ней программа справлялась виртуозно) – построить вероятные логические цепочки, соединяющие исходные данные и вывод. И это, скажу я вам, сработало на все сто. Гордон почти сразу купил себе «порше», хотя до этого был на мели и совсем не умел водить машину. Менеджер в банке не нашел, к чему придраться. Даже когда три недели спустя Гордон умудрился списать свой долг.

– Потрясающе! Программа, наверное, расходилась на ура?

– Нет. Не успели продать ни одного экземпляра.

– Вы меня заинтриговали. Похоже, отхватили поистине большой куш?

– Да, – нерешительно произнес Ричард. – Проект целиком и полностью выкупил Пентагон. Эта сделка невероятно упрочила финансовое положение «Новейших технологий». А вот за моральные устои компании я бы не поручился. Недавно мне довелось анализировать аргументы, выдвигаемые в пользу развязывания звездных войн, и, должен сказать, схема алгоритмов вполне ясна, если вы знаете, чего хотите.

Вообще же, наблюдая последние два года за стратегией Пентагона, могу с достаточной уверенностью заявить, что в военном флоте США используют вторую версию, в то время как в распоряжении ВВС по какой-то причине всего лишь экспериментальная версия «Интеллекта». Странно все это.

– А у вас не сохранилось копии?

– Конечно, нет, – вскинулся Ричард. – Для чего мне? И потом, когда Пентагон что-то покупает, он забирает все: до единой циферки кода, до единого диска и тетрадки с записями. Я рад, что мы распрощались с программой. Если это действительно так. У меня полно дел со своими проектами.

Еще раз поворошив угли в камине, Ричард вдруг задумался, зачем сюда пришел, ведь у него столько работы. Гордон не устает напоминать: уже пора выдать новую суперверсию «Гимна», чтобы в полной мере использовать возможности «Макинтош-2», а у него все никак не дойдут руки. Что же до модуля преобразования индексов Доу-Джонса в данные формата MIDI – цифрового интерфейса музыкальных инструментов, – Ричард просто пошутил, однако Гордон, само собой, воспринял идею всерьез и стал настаивать на ее реализации. Здесь сроки тоже поджимали, а до завершения еще далеко.

И вдруг он отчетливо понял, почему сидит в гостях. Просто сегодня приятный вечер, даже если не совсем ясны причины, по которым профессор так хотел с ним встретиться.

Ричард взял со стола две книги. По всей видимости, этот стол использовался и в качестве обеденного: пусть стопки книг выглядели так, словно лежали тут вечно, однако пыли вокруг них не было. Значит, их время от времени отодвигали.

Наверное, подумал он, тем, кто всю жизнь провел в тесном мирке кембриджского колледжа, временами нестерпимо хочется поболтать с кем-нибудь извне. Профессор, конечно, славный старик, но сегодня за обедом коллеги явно дали понять, что сыты его чудачествами по горло, тем более у них и собственных не перечсть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.